

Семиотика Каракорума в современной русской литературе

В.В. Мароши
НОВОСИБИРСК

Как неоднократно доказывала в своих исследованиях Н.Е. Меднис, большинство топологических сверхтекстов сформировано достаточно давно, шлейф их влияния на литературу растянут порой на десятилетия и даже столетия. Поэтому обычно исследование подобного сверхтекста предполагает обширную историко-культурологическую ретроспекцию, а число текстов, входящих в его состав, исчисляется тоже десятками и сотнями. С этим нельзя не согласиться, но тогда как быть со становящимся на наших глазах сверхтекстом? В какой момент «количество переходит в качество», а образ локуса, словно пылесос, начинает втягивать в себя новых авторов и тексты? Может ли это происходить на наших глазах или для этого нужна концентрация нескольких литературных поколений? Как жизнь такого сверхтекста связана с социальной и национальной символикой?

На эти вопросы теория топологических сверхтекстов ответить не стремится. Между тем в последнее время для серьезных ученых очевидно небывалое ускорение всех глобальных процессов, в том числе и тех, которые связаны с накоплением и переработкой информации. В немалой степени и сама теория сверхтекстов объясняется возможностью быстрого просмотра и нахождения структурно-семантического сходства самых удаленных друг от друга во времени и пространстве произведений. Поэтому столь важно уловить феномен *in statu nascendi*, когда он жестко связан с небольшим отрезком исторического времени и актуальными смыслами.

Как нам представляется, именно таков топос Каракорума, первой столицы Великой монгольской империи. С точки зрения литературной топологии здесь много необычного. Во-первых, собственно монгольская литература к Каракоруму (по-монгольски – Харахорину) равнодушна, город – один из

© В.В. Мароши

элементов современного государственного культа Великого монгольского империи и ее основателя – Чингис-хана. Нет городу места и в монгольском фольклоре: Илион не нашел своих гомеров. Не стал исчезнувший город и монгольским Китежом, хотя он был единственным крупным городом древней Монголии, был построен китайцами и ими же разрушен в назидании властвовавшим над ними в течение века кочевникам (династия Юань).

Во-вторых, с тем, что называла Н.Е. Меднис называла внетекстовым «пространственно-временным обрамлением», дело обстоит крайне скудно: каменная черепаха, остатки камней, остовы фундаментов ханского дворца – вот то, что предьявляют обычно туристам как следы исторического Каракорума. Имперской столицей он был на протяжении всего около сорока лет, был построен китайцами и ими же разрушен. Основной жилой комплекс его и в самые лучшие времена составляли юрты.

Уже несколько столетий здесь назад произошла «смена знаков»: совсем рядом с бывшим Каракорумом и, как предполагают, из его кирпичей был построен первый и самый большой в Монголии буддийский монастырь Эрдене-Дзу. Воинственную и мобильную империю сменила статика самой мирной из мировых религий.

Европейская литература из древнемонгольских столиц предпочла Шанду, летнюю резиденцию Хубилая в Северном Китае – в знаменитой экстатической и психоделической поэме С. Кольриджа «Кубла-хан» («Ксанату» в транскрипции английского поэта). Описания Каракорума сохранились прежде всего в записках путешественников того времени: наиболее пространное – в «Путешествии в восточные страны» монаха Гильома де Рубрука, очень краткие – в летописи официального идеолога империи Рашида-ад-Дина и книге монгольского «агента влияния» венецианца Марко Поло. Перед нами средневековые тексты, будоражащие воображение других авторов. И эти авторы в основном – современные русские писатели и поэты, которые, как правило, не бывали в Харахорине, но читали Рубрука.

Прежде всего, семиотика Каракорума прочно связана как с сибирским, так и азиатским, восточным пространством. Развалины Каракорума и несколько каменных стел с надписями были открыты в конце XIX в. (1889 г.) сибирским ученым-областником Н.М. Ядринцевым скорее всего по указаниям не успевшего посетить эти места Г.Н. Потанина. Последний, как известно, от сибирского культурного областничества перешел к занятиям фольклором и этнографией Центральной Азии, зарекомендовав себя как один из самых оригинальных монголоведов. В его книгах – «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899), «Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу о происхождении саги» (Томск, 1912), «Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии» (Томск, 1916) – последовательно развивается идея о приоритетности азиатского («тюрко-монгольского») фольклора по отношению к христианству. Представления об особой значимости бурято-монгольского фольклора для истории человечества Потанина нашли себе параллели в «Белом Острове», «Высокой Гобийской Цивилизации» теософских кругов (Е. Блаватская, Р. Штейнер, Н. Рерих, А. Барченко, «Аненербе» и т.д.), которые локализовали в Тибете и малоисследованных местностях Монголии оккультное знание

или сакральное пространство Шамбалы. Во время первой экспедиции Потанина на северо-запад Монголии в марте 1877 г. он сообщает А.С. Гацискому: «Мне кажется, что здесь живут свежо остатки древности, предшествующей самой ранней цивилизации. Может быть, я ошибаюсь, но мне представляется, что здешние легенды и верования древнее семитических и, народившись здесь, перешли вместе с переселением семитов на Запад. Предание о Адаме и Еве находит здесь свое начало в местном языке... <...> Да, эта местность, где мы живем, настоящая родина человека. Здесь возник первый культ... <...> Реки здешние представлялись первым людям материнскими лонами, отцов они видели в горных вершинах. Рай Адама и Евы, я теперь уверен, находится в верховьях Иртыша, на берегах которого я родился»¹.

Монголия как одна из удаленных и малодоступных частей Востока, которая находится в центре азиатского континента, сама по себе провоцировала мифогенное мышление интеллектуалов Европы, а уж образ утраченного Каракорума, «столицы полумира», располагавшейся, в свою очередь, в центре древней Монголии, усиливал художественную логику заполнения значимой пустоты как Великой Пустоты. Таким образом, «пустое место» и оказывается наиболее продуктивным для порождения, по меньшей мере, сопоставимых между собой смыслов в современной русской культуре от оттепельного «Рубрука в Монголии» (1958) Н. Заболоцкого до текстов 1990-х и 2000-х годов. Между этими принципиальными вехами в семиотике топоса – значимое временное зияние и настоящий переворот смыслов. Гибель советской империи – наследницы как Великой монгольской, так и Российской империй, демонтаж властного центра мира и превращение котла кипящей, многоязычной, мультикультурной жизни в символ абсолютной пустоты, энтропии и остановленного времени образует, на наш взгляд, устойчивый сюжет всего каракорумского корпуса текстов русской литературы. Каракорум превращается во впечатляющий знак недолговечности и уязвимости как власти, так и всего, построенного человеком. Этот локус «города мертвых» (Л. Юзефович) связан с прошлым России как территориальной наследницы Великой монгольской империи и нынешней ее обреченностью.

Основные вехи образа Каракорума определяются еще записками Рубрука: небывало долгое, опасное и трудное путешествие по пустынной и почти безлюдной местности, резкий контраст большого средневекового города и окружающей его «пустыни», необычно затянувшееся ожидание аудиенции у хана, потрясающая путешественников и гостей красота и сложность дворцовых построек и скульптур, небывалое изобилие еды и напитков на ханских приемах. У Рубрука мы впервые встречаем и «кочующий город» монголов – такое впечатление на него произвело передвижение множества юрт гигантского размера.

¹ Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004. Цит. по электронному изданию. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/kapital/project/potantin/potantin7.html#35>.

Нужно отметить, что в русской культуре под влиянием европейских источников устойчиво закрепился тюркский топоним Каракорум. До сих пор это название фигурирует в туристских путеводителях, поясняя менее известный и этимологически темный монгольский Харахорин. Этимон «черного камня» / «черных гор» станет внутренней формой как эзотерики Каракорума у Н. Заболоцкого, так и пейзажной символики в прозе Л. Юзефовича.

На семантику Каракорума влияет и его очевидная укорененность в «монгольском топосе» русской литературы. Основными чертами последнего становятся парадоксальным образом, именно атопические моменты: отсутствие четко выраженных географических и антропологических границ по отношению к российскому пространству – экстерриториальность, антропологическая и этническая диффузность; постоянная динамика передвижения в пространстве и высокая степень мобильности героев – номадизм; ахрония, анахронизмы или, по крайней мере, релятивизм художественного времени – экстемпоральность.

Мотивы обращения к запискам Рубрука во второй половине 1950-х годов Н. Заболоцкого, чье творчество уже на самом раннем этапе обнаружило наиболее явные черты влияния теософии и оккультизма, довольно сложны. Так, сюжет путешествия европейца в Азию, легший в основу «Рубрука в Монголии», был положен в основу предшествовавшей по времени написания «Рубруку...» повести «Таинственный город», увидевшей свет в 1931 г. Заболоцкий опубликовал ее под псевдонимом Я. Миллер, служившим ему, когда он писал произведения для детей. В «Таинственном городе» европейец отправляется в недоступный для европейцев город – столицу Тибета Лхасу. Нетрудно предположить, что посещение Рубруком Каракорума и созерцание им в финале цикла всепобеждающего монгольского Вечного Неба стали последним витком виртуального путешествия в абсолютно недоступный во времени и пространстве город.

Странности цикла стихотворений «Рубрука в Монголии» уже давно – с конца 1960-х гг. – стали предметом внимания и многочисленных комментариев литературоведов (Г. Филиппова, А. Волохонского, Т. Игошевой, О. Мороза и др.). Многочисленные анахронизмы «Рубрука...», практически полное отсутствие историзмов, переключения из прошлого в настоящее при помощи грамматического времени и осовременивания лексического строя текста превращают цикл в произведение-аллегория с энигматическим смыслом – глубоко персонализированным и «постсталинским» одновременно. Предчувствующий свою близкую смерть поэт-лирик здесь встречается с эпиком, который в ряде пластических образов сумел отразить величие не только симпатичной автору древнемонгольской жизни как Жизни вообще, но и сталинской имперской идеи. Сам биографический автор, перенесший лагерь, мог как угодно относиться к Сталину, но во второй половине 1950-х стал очевиден резкий контраст между выстроившим вторую великую монгольскую империю просвещенным тираном и его жалкими «оттепельными» наследниками.

Интересно, что взаимоналожение и даже совмещение сибирского и монгольского «центризма» мы обнаружим в ранних редакциях «Рубрука в Монголии» (1958) Н. Заболоцкого. По мере редактирования текста поэмы эпитет «сибирский» последовательно заменялся на «восточный», однако следы

«сибириоцентризма» в цикле сохранились: «Схватить венгерку или польку // И в глушь Сибири уволочь»¹. Таким образом, у Заболоцкого загадочный Каракорум первоначально располагался не только в центре Монголии и Востока, под вечным светом небес («Но вечно светят небеса»), но и в Сибири.

Текст цикла провоцирует теософские аллюзии, закамуфлированные точкой зрения героя-путешественника: «Так вот она, страна уныний, // Гиперборейский интернат» (328). Именно в европейской и русской теософии гиперборейцы, как и жители Гоби и Тибета оказываются связаны с хранением тайн человечества. Именно теософский подтекст цикла позволяет объяснить и необычный библеизм в риторике здравицы Каракоруму и его стилистику: «Живи и здравствуй, Каракорум, // Оплот и первенец земли, // Чертог Монголии, в котором // Нашли могилу короли!» (333).

В стихотворном цикле Заболоцкого Каракоруму посвящено пятое стихотворение – «Чем жил Каракорум». Город представлен как центр обширного имперского этнического пространства, простирающегося на все четыре стороны света («На юге – персы и аланы...»; «Из тундры северные гости...», «К востоку – прадеды бурят...», «В лесах за Русью горемычной...», «Уйгуры, венгры и башкиры...» (332)). Эти векторы географии монгольской империи симметричны знаменитым четырем тиграм «каменной палаты» хана в описании дворца («Четыре тигра изрыгали // В бассейн кобылье молоко» (333)). Возможно, записки Рубрука повлияли на цикл не только красочным экфрасисом скульптуры Гильома Буше, – ее четырех львов и четырех драконов – но и описанием структуры города с его четкой планировкой и четырьмя воротами, ориентированными на все стороны света. Одический простор монгольской империи включает в себя не только живущие там народы, но и загадочные «живые создания»: «Весь этот мир живых созданий, // Людей, племен и целых стран // Платил и подати и дани, // Как предназначил Чингисхан» (333). Вершиной смысловой загадки города, как уже было сказано выше, становится в стихотворении панегирик Каракоруму как локусу существующему «здесь и сейчас»: «Живи и здравствуй, Каракорум, // Оплот и первенец земли, // Чертог Монголии, в котором // Нашли могилу короли!» (333).

Самым простым объяснением темного места было бы толкование его как «наивной» метафоры великого города. «Наивная» версия странной смерти королей тоже звучит вполне убедительно: это метафора неприменимости к монголам европейских обозначений власти (Ср. далее «Владык без тронов и корон...» (328), поскольку никакие исторически известные короли в Каракоруме не умирали. С одной стороны, хорошо известно, что как начинающий, так и зрелый поэт Заболоцкий не был чужд осознанной наивности. С другой – поэт не скрывал и своих эзотерических увлечений Арканами Таро, алхимией, магией. В этом контексте все странноватые метафоры этой строфы должны быть тщательно перепроверены.

В Библии – как Ветхом, так и в Новом Завете особое значение придается всему первородному – первенцам у людей и у скота, «первым плодам земли» (כֹּרֶן, бхор). В здравице Заболоцкого метафора сакрального статуса Каракору-

¹ Заболоцкий Н.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 336. Далее цитируется это же издание с указанием страницы в скобках.

ма обращена в архаическое «библейское» прошлое «заповеди» Чингисхана – основателя города и империи – и длящееся настоящее с перспективой будущего. Это точка зрения не героя-католика, явно не симпатизирующего монголам, а повествователя.

Город в стихотворении связан со своим сакральным отцом-основателем, стихией земли и ее «живыми созданиями». Если сравнить его с другими поэтическими локусами Заболоцкого, то обнаруживается сходство образов жеста монгольского хана и статуи Ленина в другом «городе в степи» – Караганде: «Смотрел здесь волком на Европу // Генералиссимус степей. <...> Его бесчисленные орды // Сновали, выдвинув полки, // И были к западу простерты, // Как пятерня его руки» (333); Ср. «И изваянье Ленина стоит, // В седые степи руку простирая <...> И тень руки ложится на равнины» (216). Стоит приглядеться и к другому городу, распространяющему имперскую силу и власть – сталинскому Гори: «...и город, полный сил, // Его суровым бременем украшен, // Все племена в себе объединил» (184). В городе Вождя даже книга («Вопросы языкознания» Сталина) становится в эманации самой природы: «Живой язык проснувшейся природы // Здесь учит нас основам языка» (184). Таким образом, Каракорум – порождение Власти, ставшей, в свою очередь, порождением Природы (оплот и первый сын Земли). Поэтому-то анонимный хан Каракорума Заболоцкого не соответствует никаким историческим прототипам: «Весь мир дышал его гортанью, // И власти подлинный секрет // Он получил по предсказанью // На восемнадцать долгих лет» (333). Подлинность и тайна – неизбежные моменты эзотерического смысла.

«Чертог» Каракорума соотносится, как уже было сказано, и с экзистенциальной лирической перспективой. В стихотворении, написанном перед циклом – «Зеленый луч» (1958 г) – лирический субъект стремится в «чертог» в поиске спасения и обновления: «Я отправлюсь в путь-дорогу, // В эти дальние края, // К белоглавому чертогу // Отыщу дорогу я» (315). «Белоглавый город» неба и моря в «Зеленом луче» («Он сложился из скопления // Белой облачной гряды» (Там же) в отношении к городу «земли» и «черной гряды» Каракоруму «Рубрука» – разные варианты пути лирического героя и лирического повествования позднего Заболоцкого.

На первый взгляд описание ханского дворца в цикле представляется поэтическим переложением описания скульптуры Буше в записках Рубрука («Где перед каменной палатой // Был вылит дуб из серебра // И наверху трубач крылатый // Трубил, работая с утра!» (333)) и даже включает в себя лексические цитаты из перевода Малеева («изрыгали кумыс» – «изрыгали... кобылье молоко»). Однако эти строфы связаны в значительной степени с образной системой самого Заболоцкого, в частности с символом Мирового Древа («Дерево Сфера царствует здесь над другими. // Дерево Сфера – это значок беспредельного дерева» (158)) и метафорой дерева как драгоценного металла («Они поистине металла тяжелей // В зеленом блеске сомкнутых кудрей» (79); «По серебряным листьям растений // Поднимается к небу // Ослепительный день» (194); «Еще блистает лунным серебром // Замерзший мир деревьев и растений» (202); «Закрывается тополь взъерошенный // Серебристой изнанкой листа» (311); «В лесу под ногами гора серебра» (196); «В висячем золоте дуб-

равы // И в серебре березняки // Стоят, как знамена славы» (321); «Стояли в стройном беспорядке // Ряды серебряных стволов» (323)).

Эта корреляция кажется нам отнюдь не случайной: «серебряный дуб» в монгольских представлениях – священное Древо, соединявшее небо и землю – знак особого, подтекстового лирического сюжета. Его смысл – в алхимической автоинициации от стадии «нигрето» («черноты, черного камня») к стадии «альbedo» («белизны», символизированной как раз образами серебра и луны). Действительно, Рубрук проезжает через выжженный, мертвый мир Древней Руси – «через пожарища и тьму» (326), «первобытный крематорий» и въезжает в Каракорум, т.е. «россыпь черных камней». Тогда мотивы, которые трудом представимы в реальном историческом контексте, получают смысл как алхимическая аллегория «смерти королей»: «Лежал в гробнице Ярослав» (327); «Владык без тронов и корон» (328); «Чертог Монголии, в котором нашли могилу короли!» (333). В алхимической символике короля обычно съедают волки: «И только волки да лисицы // На диком празднестве своем...» (327); «Смотрел здесь волком на Европу // Генералиссимус степей» (333). Наконец, героя, как и реального Рубрука, в Монголию посылает король: «И что тебе, по сути дела, // До измышлений короля?» (326). Обратим внимание на то, что в цикле нет эксплицированного упоминания солнца или золота – знаках третьей и высшей алхимической стадии – «рубедо». Ее признак опять-таки скрыт в подтексте – упоминание ведущей роли Кол-звезды в звездном небе и миропорядке вообще (в европейской традиции – Полярной). По-монгольски Кол-звезда – *Алтан гадас* – Золотой кол. В процессе поиска философского камня – истины – условный лирический герой видит в небе живой символ Золота («...Какие звездные отары // Вращает в небе Кол-звезда. Она горит на всю округу, // Как скотоводом вбитый кол, // И водит медленно по кругу // Созвездий пестрый ореол» (335)), но оказывается на пороге лишь второй ступени, выбираясь из «города Черного Камня».

В постимперскую, переходную эпоху русской литературы к образу Каракорума обратился поэт, продолжающий Мандельштама и Заболоцкого, участник постакемистских групп «Камера хранения» и «Новая камера хранения» Валерий Шубинский. Небольшая поэма 1996 г. «Каракорум» представляет собой в формальном плане письмо к другу и дневник-отчет очередного персонажа-путешественника в средневековую Монголию. Каракорум в ней – это герметичный и гротескно-инфернальный мир, где упразднено время и ослабла власть, но торжествуют сны и искусство.

Путь в затерянный мир Каракорума, как и в стихотворении Заболоцкого, связан с как бесплодной, так и с визионерски воспринимаемой субстанцией землей: «Я видел заклятую землю, пустую, как плешь. // И землю, что ест нас, и землю, которую ешь // И все не наешься, и землю прозрачной кристалла, // Где все, что настанет, и все, что уже не настало // Возможно увидеть отчетливо, вживе почти». Обитатели Каракорума живут по законам перевернутого, смещенного мира небывальщины: «Сим людям известны запретные миру секреты: // Возводят хоромы, без лошади водят кареты // На черной доске шесть причудливых букв начертя. // Здесь старцы бодры, здесь без боли родится дитя, // Хотят позабавиться – в плуг запрягут таракана; // И вся эта сила дана им

по милости Хана»¹. Время и пространство здесь необычно удлинняются или сворачиваются в кольцо, неразмыкаемый круг вечного сна: «Я сам – ты поверишь ли? – старше не стал ни на йоту, // Хотя между нами столетия птичьего лету. // Причины не знаю: быть может, здесь воздух такой, // Что трудно увянуть и сморщиться плоти людской, // А может быть, тем, кто стопы в Каракорум направил, // Дается бессмертье одним из бесчисленных правил. // И то рассудить: кабы жизнь не была так долга, // Имперской столицы ничья б не достигла нога» (225); «...в покой, где незрячих философов сонм // Толкует по книге правителя завтрашний сон» (224); «Мой друг, ты, я думаю, умер, и сам я отсюда // Уже не вернусь, и искать возвращения не буду. // Есть бездны морские и горы, покрытые льдом: // Меж ними висит на цепях человеческий дом. // Я бросил его ради плоского Ханства, в котором // Все выси и бездны смешал и ужал Каракорум, // В котором я сам себе снюсь, и кольцом по кольцу // Качусь, подражая невидимому близнецу»(228).

Правители Каракорума тоже погружены в бесконечную череду сновидений: «Приснится ему ... Все сны его подданных, все их секреты» (225); «Но Хану давно уж не снились подобные сны» (225); «Приснится властителю то, что всегда ему снится...» (226). Просторы Великой Монгольской Империи, хваленая быстрота императорской почты оборачиваются бездействием и замкнутостью на себе Каракорума. Фрагменты Каракорума, известные по запискам Рубрука, – космополитические кварталы ремесленников, ханский дворец, – в поэме Шубинского превращаются в некие эстетические бестиарии и кунсткамеры: «А рядом работают в многоэтажных подвалах // Творцы, что сподобились знания искусств небывалых, // Умельцы Востока и западных стран мастера: // Они отливают из золота и серебра // Безмолвный зверинец, они высекают на плитах // Забытых поэтов стихи на языках забытых, // Ваяют статуи из желтых свалывшихся смол, // В которых застыли останки довременных пчел» (227). Очевидно, что Шубинский знает не только Рубрука и Заболоцкого, но и читал Рашида ад-Дина. Только в летописи последнего находим упоминание о «бестиарной» дворцовой утвари Угедея, наиболее подходившей для кочевников-скотоводов: «Он приказал, чтобы знаменитые золотых дел мастера сделали для шараб-ханэ из золота и серебра настольную утварь в форме животных, как то: слона, тигра, лошади и других. Их поставили вместо мункуров и наполнили вином и кумысом»².

Символика стеклянного в поэме является знаком влияния хронотопов как утопии, так и антиутопии на образ изолированного города: «Я вижу стеклянный дворец на стеклянной скале, // Гуляю в стеклянном саду, и на каждом стволе // Стеклянные листья звенят о какой-то потере. // И так, наугад, дохожу я до крохотной двери» (225). Каракорум Шубинского – не просто очередная антиутопия заснувшей и исчерпавшей себя империи, но и но и развернутая метафора его собственного поэтического мира, изобилующего гротескными метаморфозами, странными животными, снами.

¹ Шубинский В. Золотой век. М., 2007. С. 224. Далее цитируется это же издание с указанием страницы в скобках.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 39.

В повести Владислава Отрошенко «Дело об инженерском городе», опубликованной в последнем номере журнала «Знамя» за 2004 г., мы встречаемся со схожей версией Каракорума как «виртуального» города, лишившегося какой-либо связи с реальностью. Два инженера-иностранца – француз Бельтрами и итальянец из Венеции Гаспаро Освальди, планируя строительство казачьей столицы – Новочеркаска, в донской степи в начале XIX в. обнаруживают загадочный движущийся город, который отсутствует на географических картах. Освальди попадает внутрь странного города. Последний оказывается Новым Каракорумом – кочующей столицей гигантской монгольской империи во главе с императором Туге.

Город находится в постоянном движении, но источник этого движения неизвестен. На разных картах, которые обнаруживают персонажи повести, пространства монгольской и русской империй совпадают, как бы накладываясь друг на друга. В повести обе империи существуют в параллельных реальностях, время от времени встречаясь в степном пространстве или сближаясь до видимой дистанции. Обитатели Нового Каракорума и не подозревают о существовании Российской империи: «Великий император Туге отвечает тебе: Новый Каракорум кочует в настоящее время по территории улуса Джучи – так называется испокон веков западная часть империи»¹; «...император Туге пребывает в полной уверенности, что он управляет огромной частью мира. Нет никаких сомнений, что империя существует только в его воображении» (205).

Новый Каракорум находится в постоянном движении, но источник этого движения неизвестен, скрыт от нарратора: «Мы продолжаем двигаться на юго-восток. Ощутить это невозможно. Но так утверждает император» (203); «Новый Каракорум ушел далеко на восток, в степные пространства империи – монгольской ли, русской ли, мне безразлично. Движение продолжается, как сказал мне сегодня император во время прогулки по дворцовой площади» (217); «...город постоянно и весь целиком размещается на “большой повозке”. О количестве быков, которые тянут эту повозку, император выразился неопределенно... <...> Город будто бы состоит из отдельных частей, каждая из которых имеет свою повозку» (210). Это движение города-номада фиксируется и извне – из пространства Российской империи: «...стали поступать донесения, из которых можно было заключить, что город движется с востока на запад вдоль цепи Манычских озер» (220); «Через месяц чернильно-бумажный призрак рассеялся, уступив место яви. Утром 20 июня “инженерский город” стоял на Аксайском займище. <...> Как отмечено в “Черкасской хронике”, в течение шести часов при ясной погоде город не двигался с места. Он тронулся в путь лишь после полудня, когда его очертания уже искажало марево, струившееся над разогретой степью» (204).

Внутреннее пространство Нового Каракорума лабиринтоподобно, это город-дворец: «Никогда еще не встречал я города, столь похожего на дом. Улицы Нового Каракорума – не что иное, как темные и запутанные коридоры» (205). Время здесь хаотично, относительно и находится вне какой-либо истории:

¹ Отрошенко В. Персона вне достоверности. М., 2005. С. 204. Далее цитируется это же издание с указанием страницы в скобках.

«Название периода или отрезка времени может быть связано с любым явлением, нечаянно попавшимся на глаза» (207); «Напрасно я пытался выяснить сегодня, сколько времени существует Новый Каракорум. О времени здесь судят произвольно. Для его измерения служат процессы, длительность которых не может быть постоянной, ибо она зависит от случая. Вот единицы времени, которыми пользуется император Туге, – записываю их в том порядке, в каком я их узнал из утренней беседы с ним: “время, в течение которого ящерца остается неподвижной”; “время выкуривания одной трубки”; “время, нужное для того, чтобы жук взлетел с ладони ребенка”; “время, за которое слуги найдут перстень, потерянный господином”. Название периода или отрезка времени может быть связано с любым явлением, нечаянно попавшимся на глаза. Есть “время, когда сильно трепещут флаги на башнях”, “время, когда быстро ползет муравей по стене”.

Утренний час, в который я расспрашивал императора о мерах времени в его империи, он назвал, взглянув на того чиновника, что присвоил мою табакерку, “временем, когда секретарь Церен часто макает перо в чернильницу”» (206–207); «Увидев их (очки. – *В.М.*), император объявил, что “эту вещь” я должен ему подарить – сегодня, сейчас, сию минуту, “во время, когда степной сурок жует сухую траву в позолоченной клетке”...» (208).

В интервью В. Отрошенко приложению «Независимой газеты» ExLibris от 24 апреля 2005 г. писатель обстоятельно разъяснил художественный смысл реиннациации Каракорума как Нового Каракорума: «Смысл такой: действительно, то пространство, которое занимала сначала Российская империя, потом – Советская, а сейчас – Российская Федерация со странами СНГ, впервые в единую государственную систему было организовано монголами. <...> Ключевая идея монголов-чингизидов – в подчинении человека имперской идее. Многие вещи, начиная с традиции приношения дани любым чиновникам и заканчивая низкой ценностью человеческой жизни, – связаны именно с этой параллельной Монгольской империей, которая все время накладывается на нашу российскую реальность. В повести, собственно, изображены эти две империи... <...> Монгольский император ... находится в своем замкнутом мире – безвыходном Каракоруме»¹. По Отрошенко, Новый Каракорум – это и аллегория регионализации современной России и российской власти: «Это и до сих пор так: на территории России есть образования, которые иначе как призрачными не назовешь. Их можно рассматривать как своеобразные ханства. То, что в повести речь идет о 1804 году, о тогдашней разорванности пространства и замкнутости власти на саму себя – не так важно. Все это могло бы происходить и в 2004 году. А власть у нас, кстати, и сейчас как кочующий военный лагерь монгольского императора»; «Сейчас Москва тоже похожа на некий Новый Каракорум – отдельное государство в государстве»².

В повести Отрошенко сюжетно реализован вариант «города на колесах», который восходит к запискам Рубрука – описанным в них гигантским юртам

¹ Отрошенко В. «Самый жизнеспособный жанр – это книга» // Ex libris «НГ». 2005. 24 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/voznenskiy-otroshenko-interview/dossier_9286/.

² Там же.

на колесах («гэр-тэрэг») и сравнению кочующего лагеря («хурэ») с городом: «Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля»¹; «Таким образом, один двор богатого моала будет иметь вид как бы большого города»². Позже вычисления Рубрука были подтверждены находками археологов. Его образ как метафора подхвачен в стихотворениях Заболоцкого: «Навстречу гостю, в зной и в холод, // Громадой движущихся тел // Многоколесный ехал город // И всеми туглками скрипел»³. Фантасмагоричность образа города-номада восходит, с одной стороны, к исторической достоверности, с другой – к ее художественному гротеску в русле европейской сатирической фантастики Свифта.

Как и в поэме В. Шубинского, Новый Каракорум Отрошенко изолирован от мира, замкнут на себе, лабиринтоподобен, его время не линейно, а произвольно и относительно. Власть теряет контроль над империей, ограничивая себя территорией самого города, столицы. Все ее действия и намерения виртуальны, призрачны, что вполне сопоставимо как со сновидениями хана, так и его бездействием в «Каракоруме» петербургского поэта. Империя распадается уже не на регионы, а на локусы, но даже они перестают быть статичными и предсказуемыми, становясь мобильными и неуправляемыми, каждый со своим пространством и временем. Миражный Новый Каракорум повести соотносится, конечно, не с историческим Каракорумом, а с разваливающейся и неоднородной Россией, где воля к скрепляющему единству уравнивается фрагментацией – региональной, локальной, политической, социальной и пр.

Все сюжетные линии романа Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» (2008 г.) не только связаны с Каракорумом, но и находят свое завершение на его развалинах, в непосредственной близости к монастырю Эрдене-Дзу. Сюда с сюжетными флэшбэками в 1990-е гг. добирается на протяжении всего романа историк Шубин, здесь завершают свои земные пути современный плут с говорящей фамилией Жохов, самозванцы XVII в. и XX в. – Тимофей Анкудинов и «цесаревич» Алексей Пуцято. Внешность, манера поведения, тараканья суетливость начинающего монгольского бизнесмена 2000-х Баатара совсем не случайно соответствуют авантюризму московского предпринимателя начала 1990-х Жохова.

Вопрос о том, случайно ли сходство фамилии главного героя романа, писателя-историка Шубина и поэта Шубинского, автора «Каракорума», следует адресовать писателю Юзефовичу, но и без этого смысловая связь романа с поэмой, особенно с ее атопическими и сновидческими мотивами, очевидна. Это очередные «записки путешественника» по Монголии с сюжетным отсрочиванием конечной цели путешествия («Шубин с юности мечтал увидеть этот

¹ Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом ле Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 98.

² Там же. С. 99.

³ Заболоцкий Н.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 329.

мертвый город, но в советское время так до него и не добрался»¹. Зрелище заброшенного шахтерского поселка в пустоте степи подготавливает читателя к более объемной перспективе распавшегося времени и пространства, Великой Пустоты: «Машина шла в пустоте... <...> Справа, среди сухой травы и щебенистых осыпей, возник выморочный поселок с двухэтажными блочными домами. Вид у них был такой, будто по ним только что прошел метеоритный дождь. Штукатурка осыпалась или вздулась пузырями, оконные рамы не сохранили даже следов краски. На крышах колосилась выжженная солнцем трава. <...> Отопление не работало, видимо, с тех пор, как закрылись шахты. То, что от них уцелело, издали выглядело как гигантские кучи строительного мусора, пронзенного перебитыми в суставах стальными матчками с болтавшимся на них тряпьем. Руда здесь давно кончилась, а поселок остался, как остается пустой кокон, когда из него уходит шелкопряд» (179–180).

Прибытие в Эрдене-Дзу / Каракорум обставляется буддийскими мотивами соприкосновения с иной реальностью – новым вариантом «Чапаева и Пустоты» во «внутренней Монголии»: «Ощущение тревожной пустоты возникло под ложечкой. Совсем близко, за цепью туманных при рассеянном вечернем свете холмов жемчужным ожерельем белели в степи субурганы монастырской ограды, за ними лежали развалины Каракорума. Этот мертвый город с юности казался недостижимым, существующим в иной реальности, не в той, где обитал Шубин» (426–427); «Вещий холодок вошел вчера в сердце, когда Баатар сказал, что вон за теми холмами – Эрдене-Дзу» (441); «Там царил абсолютная пустота, вдали очерченная все той же линией сливающихся с заснеженным полем субурганов. Ровная, безжизненная белизна этого пространства нарушалась только обнажившейся на пригорках земель, светло-желтыми островками иссохшего ковыля и беспорядочно разбросанными повсюду пористыми серыми камнями» (434).

Монастырь Эрдене-Дзу возле развалин Каракорума становится «единственной неподвижной точкой» романа, вокруг которой вращается сюжет с двойниками-персонажами – монголом Баатаром, авантюристом Жоховым и двумя самозванцами. Подвижной точкой, связанной со всеми четверьмя плутами, является историк Шубин, старый знакомый Жохова, пассажир Баатара и историограф-популяризатор приключений Анкудинова и Пуцятю. Сама система персонажей построена по принципу мандалы, кругообразного вращения, как и структура Каракорума вокруг священного серебряного дерева и фонтана ханского дворца: «...стены с четверьмя воротами, ориентированными по сторонам света. Четверка драконов на дереве с серебряной листвой откликались в правилах местной торговли. У северных ворот продавали лошадей, у западных – овец и коз, у восточных торговали зерном, у южных – повозками и быками. Остальные товары свозили на городской рынок. Все дороги Азии вели в этот город, но век его оказался недолог» (436); «В полудреме Шубин увидел чудесный фонтан работы Гийома Буше, семь столетий назад разрушенный китайцами вместе с дворцом, но вечно сияющий серебряной листвой на стволе из меди. Вокруг него сидели четверо, чьи лица

¹ Юзефович Л. Журавли и карлики. М., 2009. С. 11. Далее цитируется это же издание с указанием страницы в скобках.

он узнал сразу, хотя двоих из этой четверки не встречал никогда в жизни. Вострубил серебряный ангел, и четыре дракона принялись извергать из себя перечисленные Жоховым напитки. Они были разного цвета и с разным звуком лились в одинаковые медные чаны. Баатар выбрал кумыс, Анкудинов – вино, Алеша Пуцято – безобидный мед, Жохов – демократичное пиво. Отпив, каждый передал свою чашу по кругу» (470).

Согласно концепции повествователя появление Эрдене-Дзу на месте Каракорума отнюдь не случайно: возникновение монастыря оправдано с высшей, провиденциальной точки зрения: «Каракорум превратился в буддийский монастырь, где власть над миром ценится дешевле куска баранины. Вернувшись из Тибета, новообращенный Абатай-хан разбил свою ставку на руинах мертвой столицы, оставшиеся от нее камни пошли на храмы Эрдене-Дзу» (436). Буддийской модели мира соответствуют мотивы не только пустоты, но и кажимости, миражей, призрачности героев и мира, в котором они находятся. Это ощущение испытывает Жохов («Иногда, конечно, накатывает что-то такое, не знаю даже, как толком объяснить. Идешь утром на работу, и кажется: или все это прямо сейчас исчезнет, все эти дацаны, субурганы, бараны, хуяны – или они останутся, а меня самого тут не будет. Странное ощущение. То вроде все нормально, а то живешь, как во сне» (458)), Шубин («Он жевал кровавую колбасу вперемешку с печеньем “Юбилейное”, курил, прихлебывал чай, но Шубина не покидало чувство, что сидящий перед ним человек не совсем реален и вот-вот может истончиться до полной прозрачности. Их свидание было – как встреча на том свете» (459)), самозванец Анкудинов («Случайно он взглянул туда, где, вытянутая вдоль тела, лежала его левая рука, и вдруг понял, что через ее кожу, мясо и кости ясно видит доски палубы. Глаз различал каждую трещину, каждый сучочек. Похолодев, он сотворил крестное знамение и сказал молитву, но видение не исчезло, напротив – за другими его членами другие предметы начали открываться взгляду. Его, Тимошки Анкудинова, рожденного в Вологде от отца Демида и матери Соломонида, больше не существовало, множество поселившихся в нем душ так долго и с такой силой тянули его тело в разные стороны, что оно истончилось до полной прозрачности. Лунный свет проходил сквозь него, как сквозь стекло» (251)). Герои видят сны, оказывающиеся, разумеется, вещими. Каракорум в романе, таким образом, – не просто «мертвый город», облик которого совместными усилиями воскрешают турист-историк Шубин и повествователь, но и «город мертвых», соприкосновение с которым равнозначно вхождению в потусторонний мир, точка Алеф, где сходятся нити судьбы и все прошлое героев. Пустота степного пейзажа, где ничто, кроме обломков камней, не напоминает об исчезнувшем городе, была переосмыслена в современной русской литературе как победа буддийской Великой Пустоты («шуньяты») над миром иллюзий.

Итак, на локус Каракорума в литературе XX в. переносятся ясно различимые черты эсхатологии «петербургского мифа» русской литературы. Метаморфозы недолговечной имперской столицы монголов напоминают призрачное бытие в слове российской и советской власти и ее обеих «фантастических», миражных столиц. Попадание героя в Каракорум означает для него соприкосновение с запретным миром инобытия, а в социальной перспективе является знаком конца имперского проекта России.